

DOI [10.31696/2618-7043-2018-1-1-115-126](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-1-115-126)

УДК 27-246+81'42

ВАК 10.01.03

Метафоры власти и власть метафор у апостола Павла

А. С. Десницкий

*Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
a.desnitsky@gmail.com*

Аннотация: в статье рассмотрены с теоретической и практической стороны те метафоры из Посланий апостола Павла (книг Нового Завета), которые связаны с представлениями о государственной власти. Данная тема остаётся постоянно актуальной в связи с тем, что именно эти тексты являются основополагающими для христиан всех деноминаций и во многом определяют их отношение к наличной государственной власти. В последнее время когнитивный подход к метафорам позволил исследователям лучше понять нюансы и подтексты. В результате к принципу безусловной лояльности добавились и некоторые другие свойственные Павлу идеи, например, иерархия ценностей: настоящее гражданство христиан принадлежит небесам, а римское государство важно им лишь постольку, поскольку оно не входит в конфликт с данной лояльностью. Особое значение принимает этот вопрос в связи с подготовкой современных переводов Посланий.

Ключевые слова: метафора, Библия, перевод, апостол Павел, Римская империя

Для цитирования: Десницкий А. С. Метафоры власти и власть метафор у апостола Павла. *Ориенталистика*. 2018;1(1):115–126. DOI: [10.31696/2618-7043-2018-1-1-115-126](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-1-115-126).

Power Metaphors and Metaphors Power with Paul the Apostle

Andrei S. Desnitsky

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
a.desnitsky@gmail.com*

Abstract: this article deals, both theoretically and practically, with metaphors from the Pauline Epistles (parts of the New Testament), that have to do with the state power. This theme remains ever important because these texts are fundamental for all Christian denominations in their attitude towards their existing states. Recently, the cognitive approach to metaphors allowed for better understanding of nuances and hidden scenarios. As the result, in addition to unconditional loyalty modern scholars payed attention to other essential Pauline ideas, such as the hierarchy of values: the main Christian citizenship relates to heaven while the Roman state they obey as long as it does not contradict the first principle. This question becomes yet more important in connection with the modern translations of Pauline epistles.

Keywords: metaphor, Bible, translation, apostle Paul, Roman empire

For citation: Desnitsky A. S. Power Metaphors and Metaphors Power with Paul the Apostle. *Orientalistica*. 2018;1(1):115–126. (In Russ.) DOI: [10.31696/2618-7043-2018-1-1-115-126](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-1-115-126).

Перечитывая заново

В Институте перевода Библии при поддержке РГНФ было подготовлено комментированное издание Павловых Посланий (опубликовано в 2017 г.; автор данной статьи являлся и руководителем этого проекта). В этом труде разбираются многие сложные вопросы интерпретации отрывков из Павловых Посланий, в издание также включена статья Г. Г. Ястребова [1], где даётся краткий обзор современной паулинистики. Отчасти опираясь на комментарии и статью из этого издания, здесь мы постараемся разобрать вопрос, как изменился в последнее время взгляд на отношение апостола Павла к государственной власти и на связанные метафоры, к которым он постоянно прибегал.

Послания апостола Павла – хронологически самые первые тексты, дошедшие от христианской общины, они были, по всей вероятности, написаны раньше Евангелий. Послания, с одной стороны, позволяют нам увидеть жизнь раннехристианских общин, а с другой стороны – они стали основой христианского богословия. И, таким образом, тексты посланий, возникшие в Восточном Средиземноморье I в. н. э., стали восприниматься исключительно в контексте богословия Нового времени.

Долгое время вопрос об отношении Павла к власти казался раз и навсегда решённым: в 13-й главе Послания к Римлянам Павел декларирует принцип полной и безусловной лояльности существующей государственной власти. Собственно, из этого и исходили христиане последующих веков. Но к концу XX в. этот простой ответ уже не выглядит исчерпывающим и однозначным. У такого пересмотра казавшихся незыблемыми представлений есть несколько причин.

1. К концу XX в. общим местом в мировой библеистике стал отказ от «колониального мышления», при котором любой библейский текст автоматически ставился в контекст современного западного богословия. На самом деле эти тексты писались в совершенно другом обществе, они неразрывно связаны с ближневосточным миром, который мало похож по своей образности и концептам, по реалиям и социальным структурам на то, что мы встретим в лекционном зале западного университета или услышим на проповеди во время воскресной службы в соборе. Библейские тексты в гораздо большей степени принято теперь рассматривать в том культурно-историческом контексте древнего Ближнего Востока, к которому они изначально принадлежали.

2. Одновременно широко распространился когнитивный подход к анализу самых разных текстов, в том числе и библейских. Речь идёт прежде всего о метафорах как о средстве описания и структурирования мира [2; 3]. Там, где при более традиционном подходе видели законченные богословские утверждения, сейчас склонны находить метафоры,

которые укоренены в определённой культуре и выражают мнение говорящего не напрямую, а опосредованно, так что понять его можно только с учётом всего культурно-исторического контекста и концептосферы, в которой мыслил автор.

3. Ещё одна причина, практическая, лежит на поверхности. Цитаты из Павла широко привлекались во все времена для оправдания безусловной лояльности любой наличной власти. Но что делать, если это власть тоталитарной диктатуры, к примеру, национал-социалистической? Неужели беспрекословное исполнение любых требований такой власти обязательно для христианина? В Третьем рейхе так действительно полагали многие христиане, но сегодня, разумеется, мало кто готов дать на этот вопрос столь однозначный ответ. Как же тогда нужно прочитывать Послания?

4. История других тоталитарных и авторитарных режимов XX в., кроме того, показала, что декларируемая лояльность может не иметь ничего общего с реальной. Так, за пять-шесть лет до развала СССР практически каждый гражданин с завидной регулярностью заявлял о своей преданности руководству и коммунистической идеологии, но когда этот развал произошёл, никто ему не воспротивился, и вряд ли это было вызвано тотальной переменой в мировоззрении. Декларировать лояльность полагалось по условиям игры, не более того. Не могло ли происходить подобного и в древнем Риме?

Итак, Павел выражал свои мысли привычным на Ближнем Востоке образом и о многом, в особенности трансцендентном, говорил метафорами. Он либо использовал образы, относящиеся к власти и авторитету, для разъяснения богословских идей, либо, напротив, прибегал к метафорам того или иного рода, чтобы показать, как люди должны выстраивать отношения внутри общины или как эта община должна относиться к государству. Как происходило то и другое, мы далее и рассмотрим.

Лояльность или скрытый транскрипт?

Ключевой текст, описывающий отношение Павла к власти, как всегда было принято думать, Римлянам 13:1–7: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога (οὐ γὰρ ἔστιν ἐξουσία εἰ μὴ ὑπὸ θεοῦ); существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие (ἄρχοντες) страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от неё, ибо начальник есть Божий слуга (θεοῦ γὰρ διάκονός ἐστιν), тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему

злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители (λειτουργοὶ γὰρ θεοῦ εἰσιν), сим самым постоянно занятые. Итак отдавайте всякому должное: кому по́дать, по́дать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь»¹.

Знаменитые слова «нет власти не от Бога» здесь не очень точно переведены: речь идёт не о власти как структуре или принципе (это скорее передавалось бы словом ἀρχή), а, по сути, о полномочии что-то совершать, и оно не то чтобы «исходит от Бога», оно Богом дано: предлог ὑπό с родительным падежом указывает на имя деятеля при пассивной конструкции, только глагол в данном случае элидирован. Перед нами не столько апология власти как таковой, сколько богословское утверждение: если кому-то даны некие полномочия и возможности, то они даны Богом, и ответственность человек несёт прежде всего перед Ним.

Здесь, разумеется, упомянуты и начальствующие (ἄρχοντες), но именно как Божьи служители: в Новом завете греч. λειτουργός («служитель») практически всегда употребляется в сакральном контексте (ср. Римлянам 15:16), в смысле служения Богу. Возможно, в свете сказанного выше, Павел имеет в виду, что земные власти, может быть, даже неосознанно, исполняют порой некое священное служение, служат орудиями в руках Бога. При этом пресловутая «власть» может выступать и как потенциальная угроза; в том же Послании мы читаем (8:38–39): «... я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала (ἀρχαί), ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». Но если не могут – значит, пытаются. Экзегеты спорят, имеются ли тут в виду некие духовные силы или земные инстанции, а может быть, и то и другое, но в любом случае от абсолютизации власти как таковой этот пассаж очень далёк.

В целом в 13-й главе Римлянам перед нами предстаёт некая идеальная картинка с практическим нравственным выводом: порядочное поведение должно приводить к гармонии в отношениях с земными властями, а злодеяние ведёт к наказанию. При этом Павел указывает, что власть начальствующим дана от Бога и человек получает похвалу или наказание как бы от самого Бога, действующего через них.

К тому же Послание направлено в Рим, столицу империи, и шансы, что оно будет прочитано при императорском дворе, были достаточно велики (и это был бы для Павла крайне желательный оборот событий). Вполне естественно ему было бы выразить в письме максимальную

¹ Здесь и далее цитируется традиционный Синодальный перевод, если не оговорено иное.

лояльность к императорской власти, но в таком случае его слова звучали в достаточной мере ритуально и формально, как восхваления в адрес советского правительства в «Журнале Московской патриархии» былых годов.

Об отношении внутри общества и о взаимодействии с властями говорит не в меньшей мере и другое послание – 1 Коринфянам (мы не будем здесь рассматривать те Послания, авторство которых оспаривается). Согласно мнению Ричарда Хорсли [4], Павел говорит в значительной мере о восстановлении справедливости, когда униженные и оскорблённые христиане восторжествуют над теми, кто распял Иисуса и угнетает их ныне. Разумеется, Павел не призывает к революции и ожидает, что эта перемена совершится по действию Бога, – но тогда лояльность существующей власти обретает совсем другой смысл, это скорее призыв потерпеть и воспринимать существующую власть как ещё один инструмент в руках Бога, осуществляющего Свой таинственный замысел.

Вот лишь несколько отрывков из 1 Коринфянам. 2:6–8: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих (τῶν ἀρχόντων τοῦ αἰῶνος τοῦτου τῶν κатарουμένων), но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы (οὐκ ἂν τὸν κύριον τῆς δόξης ἐσταύρωσαν)». Итак, именно Иисус Христос есть подлинный Господь – а ведь это официальный титул римского императора (греч. κύριος, лат. dominus). А «власти века сего» объявлены преходящими, то есть временными, и то, что они считают мудростью, на самом деле таковой не является.

Более подробно тема временного положения дел раскрыта в 7:29–31: «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жён должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего (παράγει γὰρ τὸ σῆμα τοῦ κόσμου τοῦτου)». Понятно, что в христианской общине были и браки, и имущественные отношения, и всё то, что обычно бывает в человеческом обществе, но Павел подчёркивает, что ценность всего этого крайне невелика, это лишь временный привал на пути к главной цели.

Соответственно, когда она будет достигнута, всё поменяется местами, и те, кто сегодня подлжит суду римских властей, сам примет на себя роль судьи. Разбирая частный вопрос (можно ли христианину подавать в языческий суд на другого христианина), Павел пишет весьма энергично (6:1–3): «Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же

вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?»

То есть, по сути, в новой реальности теми самыми инструментами Божьей власти станут верующие. И всё это произойдет потому, что, как сказано в 15:24–25, «Он (Христос) предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу (πᾶσαν ἀρχὴν καὶ πᾶσαν ἐξουσίαν καὶ δύναμιν). Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои». Разумеется, здесь тоже может идти речь о враждебных Богу духовных силах, среди которых тоже может существовать своя иерархия. Но вместе с тем также и о земных властях, которые в конце времён должны признать власть Божью.

К подобным пассажам иногда применяют термин «скрытый транскрипт»: по определению Г. Ястребова, это «умение угнетённых групп прятать крамольное содержание за двусмысленными выражениями и эвфемизмами» [1, с. 766]. Это умение прекрасно известно всем, кто жил в СССР: сколь-нибудь внятная критика существующих властей была немыслима, зато можно было критиковать их косвенно, обличая, к примеру, «Римскую империю периода упадка», как в известной песне Б. Ш. Окуджавы. Впрочем, мы сегодня не в состоянии оценить даже приблизительно, насколько иронично прочитывались эти строки изначальными читателями Посланий и как много «скрытого транскрипта» они в нём видели.

Но мы достаточно ясно понимаем, что утверждает Павел в Послании Филиппийцам, написанном, по всей видимости, в заключении, в ожидании суда у римского императора, возможно даже, в самом Риме. Вот что Павел пишет здесь о Христе (2:9–11): «Бог превознёс Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь (κύριος) Иисус Христос в славу Бога Отца». Таким образом, подлинным Царём и настоящим Господом Павел считает только Иисуса.

В 3:20 он говорит ещё более откровенно: «Наше же жительство (πολίτευμα) – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа (σωτήρα ἀπεκδεχόμεθα κύριον Ἰησοῦν Χριστόν)». Слово πολίτευμα не просто означает место жительства, как можно подумать исходя из Синодального перевода, скорее это и есть «государство» или «гражданство». По сути, это яркая декларация лояльности только Христу. К тому же здесь употреблено не только слово κύριος («Господь»), но ещё и σωτήρ («Спаситель») – оба слова еще в эллинистическую эпоху вошли в титулатуру монархов.

Как согласовать это с Посланием к Римлянам? Никакого противоречия нет, если помнить, что высказывания могли описывать реальность

на разных уровнях (эмпирическая данность и подлинная суть вещей) и к тому же быть обращены к разным аудиториям. С одной стороны, Павел призывает уважать существующий порядок вещей и подчиняться требованиям властей, которые его поддерживают; возможно также, он мог заверять имперские власти в лояльности христиан и остужать слишком горячие головы, стремящиеся к бунту (это, разумеется, лишь предположение). С другой, он напоминает о том, что человеческие власти – лишь инструмент в руках Бога, с Которым одним христиане и выстраивают свои отношения в полной уверенности, что последнее слово всегда остаётся за Ним и однажды Его последователи будут судить весь мир.

Как это могло выглядеть на практике, нам показывает Послание к Филимону. На первый взгляд, вообще кажется удивительным, что первые христиане включили этот текст в канон своего Священного Писания. Это частное письмо по одному конкретному поводу: Павел в заключении встретил беглого раба по имени Онисим и обратил его в христианство. Прежний хозяин Онисима, Филимон, тоже был христианином и учеником Павла. И вот теперь Павел отправляет Онисима к Филимону (с точки зрения римского права, возвращает тому похищенную у него собственность) вместе со своим рекомендательным письмом. Естественно, Филимон имеет полное право сурово наказывать Онисима, но Павел уговаривает его не пользоваться этим правом. Он пишет (8–12): «... имея великое во Христе дерзновение приказывать тебе, что должно, по любви лучше прошу, не иной кто, как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа (πρεσβύτερος ὑπὲρ δὲ καὶ δεσμιός Χριστοῦ Ἰησοῦ); прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как моё сердце».

То есть Павел действует целиком и полностью в рамках римских законов, не призывая ни к восстанию, ни к отмене рабства, ни к чему подобному. Он предельно лоялен, но эта лояльность внешняя, она, по сути, сводится к отказу от попыток бунта и мятежа. И в то же время в той новой реальности, которая начала существовать внутри христианской общины, нет ни беглых, ни каких иных рабов, а только близкие отношения между членами общей семьи.

Показательно, что себе Павел присваивает парадоксальный титул «старейшины и заключённого» (πρεσβύτερος καὶ δεσμιός), сочетая самое почётное наименование с самым презренным. В этой новой реальности последние становятся первыми, нынешнее положение дел представляется временным, а лояльность существующей власти – скорее тактический приём, способ переждать это не слишком благоприятное время, нежели сущностное требование.

Метафора патроната

Уже из приведённых выше примеров видно, что Павел широко пользовался метафорами из области власти, когда излагал свои идеи, прежде всего, когда говорил о трансцендентном. Но если метафоры, связанные с царской или императорской властью и судом, мы понимаем довольно неплохо, то другие подобные метафоры остаются для нас непонятными в силу того, что мы живём в ином обществе и у нас иные институты власти и влияния.

Самый непривычный для нас институт власти из тех, которые были обычны для Павла и его читателей, безусловно, патронат. Мы далее будем говорить о том, как он выглядел в Римской империи новозаветных времен [5], но нечто подобное может быть сказано и о других патриархальных обществах.

Такое общество жёстко структурировано, в нём нет индивидуальностей, а есть только социальные структуры. Каждый человек лично зависим от другого или других, но эта зависимость может быть разной: рабы являются собственностью хозяев, и это нам привычно. Но помимо рабов есть клиенты: лично свободные люди, так или иначе зависящие от своего патрона. Это многоступенчатая система, и патрон, в свою очередь, обычно тоже является чьим-то клиентом. Вольноотпущенник, получая свободу, становится не свободной отдельной личностью, но клиентом того, кто его освободил.

Отношения патроната могут быть временными: гость из другого города становится клиентом своего хозяина, пока живёт в его доме, и в свою очередь оказывает ему такое же гостеприимство в своём доме, делясь с ним собственным социальным капиталом.

Любые ресурсы в таком обществе понимаются как ограниченные (пресловутая «игра с нулевой суммой»), при этом они сосредоточены в руках узкой группы лиц, которые их распределяют, вне зависимости от того, кто их производит. Примерно то же самое относится к нематериальным благам: безопасность, защита, возможность вести дела и т. д. Распределение ресурсов идёт сверху вниз: от патрона к клиентам, то есть лично зависимым от него людям. Не все патроны располагают всеми ресурсами, и если тебе нужны ресурсы чужого патрона, ты можешь получить к ним доступ через своего собственного: он договорится с чужим. Но напрямую к нему обращаться не стоит.

Чем может отблагодарить клиент своего патрона за полученные ресурсы, притом что слово «плата» тут не используется? От него требуется прежде всего личная верность патрону, и это не просто чувство: она подразумевает исполнение его поручений и даже невысказанных пожеланий. Неблагодарность патрону – страшный грех.

Своего патрона имеют не только отдельные люди, но и большие сообщества (город, войско и т. д.). Публичная благотворительность понимается в терминах патроната: император строит в городе общественные здания, полководец раздаёт ветеранам земельные участки и т. д. При этом отношения божеств и людей понимаются примерно в том же ключе: божества являются патронами отдельных людей и целых сообществ и оказывают им благодеяния, за что требуют от них деятельной верности.

Раннехристианская община была пронизана отношениями патронов и клиентов уже потому, что состояла из людей, активно вовлечённых в подобные отношения [6]. В этих терминах она описывала и своё богословие: её общий патрон – Господь Иисус Христос, в свою очередь подчинённый Отцу. Он оказывает благодеяния и делится всеми необходимыми ресурсами, ожидая благодарности и верности в ответ.

Вот небольшой пример из Послания к Римлянам, где речь идёт о патронате в прямом и непосредственном смысле слова. В 16:2 Павел представляет римской общине некую Фиву такими словами: ἵνα αὐτὴν προσδέξησθε ἐν κυρίῳ ἀξίως τῶν ἀγίων καὶ παραστῆτε αὐτῇ ἐν ᾧ ἂν ὑμῶν χρῆζῃ πράγματι· καὶ γὰρ αὐτῇ προστάτις πολλῶν ἐγενήθη καὶ ἐμοῦ αὐτοῦ. Синодальный перевод здесь неточен: «Примите её для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чём она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому». Слово «помощница» подразумевает, что она оказывала апостолу разные услуги и была под его началом. Но на самом деле греческое προστάτις подразумевает совершенно иное отношение: напротив, это она была его патроном, а он – её гостем! Предлагаемый вариант перевода: «Примите её, как подобает людям из святого Господнего народа принимать друг друга, и предоставьте ей всё, что может ей у вас понадобиться. Она и сама была радушной хозяйкой для многих, и для меня тоже».

Здесь мы не касаемся собственно богословских вопросов, но уже видно, что свои богословские идеи Павел также излагает метафорическим языком [7]. Наше нынешнее общество ценит независимость и избегает откровенного указания на патронат. Оно предпочитает безличные юридические процедуры и финансовые транзакции, а отношения патроната воспринимаются как нечто недолжное: кумовство, коррупция и проч. Поэтому основанные на патронате метафоры понимаются обычно плохо. В частности, на место метафоры патроната современный читатель охотно подставляет другие метафоры, прежде всего суда.

В том же Послании к Римлянам 3:23–24 Павел излагает своё понимание спасения: πάντες γὰρ ἤμαρτον καὶ ὑστεροῦνται τῆς δόξης τοῦ θεοῦ δικαιοῦμενοι δωρεὰν τῇ αὐτοῦ χάριτι διὰ τῆς ἀπολυτρώσεως τῆς ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ. Синодальный перевод: «потому что все согрешили и лишены

славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе». Для современного читателя это длинное выражение выглядит не слишком-то осмысленным: что значит «искупление», что – «благодать»? В лучшем случае, эти слова воспринимаются как особые богословские термины, не имеющие прямых соответствий в повседневной жизни.

В то же время для античного читателя эти метафоры прочитывались вполне ясно: человек оказался рабом греха и смерти, но Христос уплатил соответствующую цену и отпустил человека на свободу. Получив такой дар от Христа, он становится вольноотпущенником и Его клиентом, а значит, обязан жить соответственным образом, храня деятельную верность своему Господу. Можно предложить такой вариант перевода: «все они согрешили и лишились славы Божьей, но их искупил Христос Иисус – и так наделил их праведностью. Такой дар получили они по Его благодати»².

В связи с этим можно вспомнить богословские споры о значении новозаветного слова δικαίωσις. Одни утверждают, что его следует переводить как «оправдание», и это понимание основано на метафоре суда. Человек виновен, но его провозглашают невиновным благодаря тому, что Христос понёс за него наказание.

Другая школа переводит это слово как «наделение праведностью», основываясь на метафоре патроната: человек сам по себе праведности лишён, но Бог как патрон наделяет его этим свойством, благодаря тому что Христос его искупил на свободу и сделал своим клиентом. Богословы делают отсюда далеко идущие выводы, конструируя свои «модели спасения», при этом одни основываются на метафоре суда, другие – патроната. Но это в любом случае не что иное, как битва метафор, а любая метафора передает мысль опосредованно и частично, её нельзя принимать за точный термин, особенно когда речь идет о трансцендентных явлениях.

Заключение

Несмотря на то что Послания Павла давно и очень хорошо изучены, их прочтение с новой точки зрения может открыть в этих текстах то, что прежде ускользало от взгляда исследователя, смотревшего на них изнутри западной интеллектуальной традиции Нового времени. Этот новый взгляд связан прежде всего с возвращением Посланий в тот контекст восточного Средиземноморья I в. н. э., которому они принадлежали изначально. Для данной статьи важны прежде всего социальные

² С авторскими опытами переводов Посланий, где, помимо прочего, учитываются подобные детали, можно ознакомиться на сайте: <http://perevod.desnitsky.ru/>

институты Римской империи и концептосфера эллинизированного иудаизма.

При анализе высказываний Павла важно учитывать, что его утверждения могут быть рассмотрены на разных уровнях. С одной стороны, Павел декларировал лояльность существующей власти Рима, по-видимому, для того, чтобы не испортить отношений с властью и, возможно, опровергнуть тех, кто находил в христианстве призывы к бунту против римского господства. С другой – он не видел в существующем государственном устройстве ничего сакрального или постоянного, а существующие власти воспринимал как инструмент, которым временно пользуется Бог.

Возможно, но не доказуемо, что Павел прибегал к стратегии «скрытого транскрипта», высказывая в завуалированной форме, что настоящую лояльность христианин проявляет не к имперской или иной власти, а только ко Христу. На это может в особенности указывать утверждение, что только Христос может считаться достойным носителем титулов римских императоров (κύριος, σωτήρ).

Вместе с тем Павел широко использует метафоры, связанные с властными институтами, для выражения своих богословских идей. В особенности трудно воспринимаются сегодня метафоры, относящиеся к институту патроната. Именно с подобной метафорой связано в значительной мере учение об ἀπολύτρωσις и δικαίωσις (традиционный перевод – «искупление» и «оправдание»): верующие были выкуплены жертвой Христа и так стали Его клиентами-вольноотпущенниками; Он наделяет их свойством праведности и в ответ ожидает деятельной верности.

Эти трактовки и уточнённые прочтения могут и должны быть отражены в новых переводах корпуса Павловых Посланий.

Литература

1. Ястребов Г. Г. Послания апостола Павла в современной науке. В: Десницкий А. С. (ред.) *Павловы послания: комментированное издание*. М.: ИПБ; 2017.
2. Лакофф Д., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живём*. М.: ЛКИ; 2008.
3. Лакофф Д. *Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении*. М.: Языки славянской культуры; 2004.
4. Horsley R. A. *Covenant Economics: A Biblical Vision of Justice for All*. Louisville: Westminster John Knox; 2009.
5. Saller R. P. *Personal Patronage Under the Early Empire*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002.
6. DeSilva D. A. *Honor, Patronage, Kinship & Purity: Unlocking New Testament Culture*. Downers Grove: InterVarsity Press; 2000.
7. Harrison J. R. *Paul's Language of Grace in its Graeco-Roman Context*. Tübingen: Mohr Siebeck; 2003.

References

1. Yastrebov G. G. Pauline Epistles and Modern Scholarship. In: Desnitsky A. S. (ed.) *Pauline Epistles with Commentaries*. Moscow: IBT; 2017 (In Russ.).
2. Lakoff G. & M. Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press; 1980.
3. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago: University of Chicago Press; 1987.
4. Horsley R. A. *Covenant Economics: A Biblical Vision of Justice for All*. Louisville: Westminster John Knox; 2009.
5. Saller R. P. *Personal Patronage Under the Early Empire*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002.
6. DeSilva D. A. *Honor, Patronage, Kinship & Purity: Unlocking New Testament Culture*. Downers Grove: InterVarsity Press; 2000.
7. Harrison J. R. *Paul's Language of Grace in its Graeco-Roman Context*. Tübingen: Mohr Siebeck; 2003.

Информация об авторе

Десницкий Андрей Сергеевич,
доктор филологических наук, профес-
сор РАН, ведущий сотрудник Отдела
истории и культуры Древнего Востока
Института востоковедения РАН,
Москва

Information about the author

Andrei S. Desnitsky, Dr. Sci. (Philol.),
Prof. Russian Academy of Sciences, Lea-
ding researcher, Department of History
and Culture of the Ancient East